

УДК 520.1

Из истории Симеизской обсерватории по материалам Архива РАН

Н.Я. Московченко, С.В. Толбин

Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория РАН, Россия

Поступила в редакцию 30 октября 2008 г.

Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория РАН, основанная в 1839 году, расположена на Пулковском холме в 19 км от Санкт-Петербурга на широте около 60°. Несмотря на свои выдающиеся достижения в области астрометрии и геодезии, которые позволили Пулковской обсерватории заслуженно нести титул “Астрономической столицы мира”, к концу XIX века стало ясно, что дальнейшее развитие новых направлений астрономических исследований – астрофизики, астрофотографии, спектроскопии и наблюдений Солнца, не могло в должной мере осуществляться в Пулково в силу его географических и климатических условий.

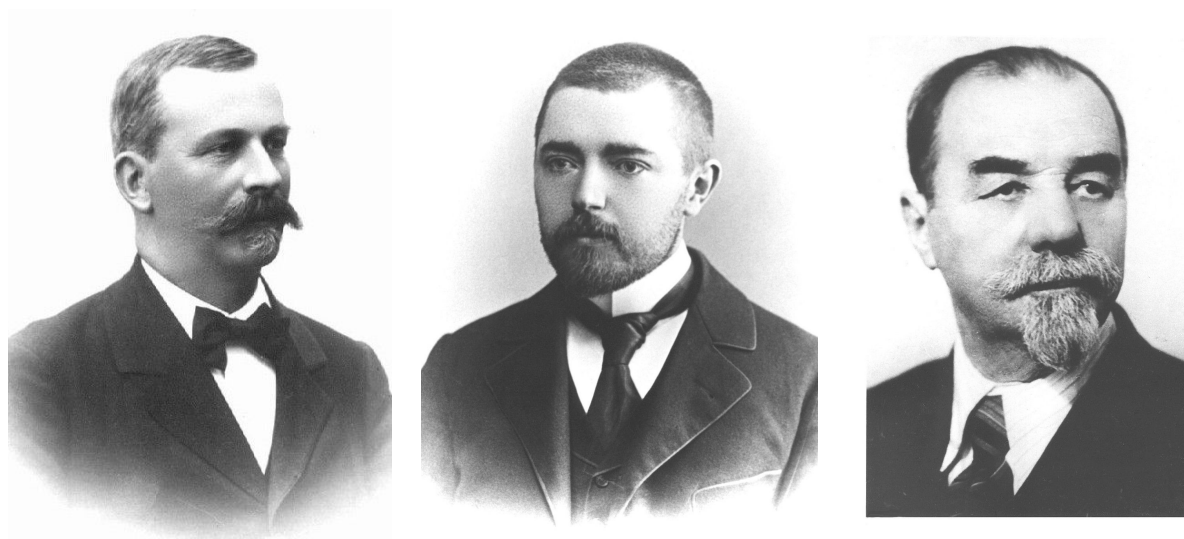

Рис. 1–3. Слева – директор Пулковской обсерватории Оскар Андреевич Баклунд (1846–1916) и сотрудник обсерватории: в центре – Алексей Павлович Ганский (1870–1908), справа – Гавриил Адрианович Тихов (1875–1960)

Директор Пулковской обсерватории академик Оскар Андреевич Баклунд уделял решению этой проблемы большое внимание. Для развития астрофизических работ в 1898 г. при Новороссийском университете в Одессе было создано Пулковское отделение. А 17 ноября 1904 г. по инициативе Баклунда при Академии наук была учреждена Комиссия по ис-

следованию Солнца (КИСО) под председательством академика А.А. Белопольского, в состав которой вошли члены Академии наук и профессора Петербургского университета. Секретарем Комиссии стал пулковский астроном Алексей Павлович Ганский. На первом рабочем заседании Комиссии 3 января 1905 г. с основным докладом выступил А.П. Ганский. Он изложил подробную программу исследования Солнца и необходимость создания в России высокогорной солнечной обсерватории. Комиссия поручила пулковским астрономам А.П. Ганскому и Г.А. Тихову подготовить проект экспедиции по исследованию климатических условий для основания солнечной обсерватории в Крыму. Однако неблагоприятная политическая обстановка в стране (война с Японией и революционная ситуация) не позволили осуществить этот план в 1905 году.

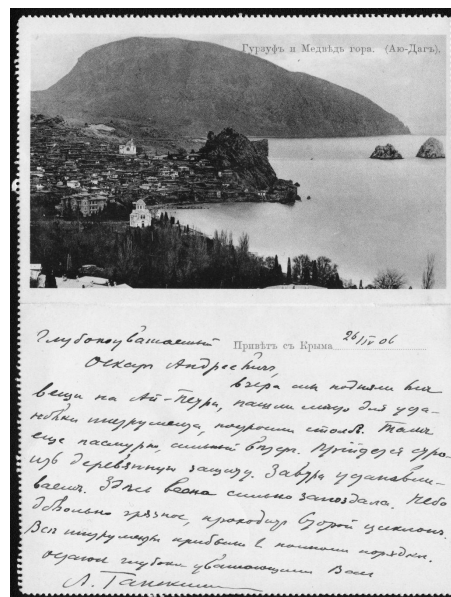

Рис. 4. Письмо А.П. Ганского О.А. Баклунду от 24 апреля 1906 г.

11 января 1906 г. председатель КИСО А.А. Белопольский и ее члены-академики О.А. Баклунд и Б.Б. Голицын представили записку в физико-математическое отделение Академии наук (ФМО), составленную на основании проекта астрономов. Отделение приняло решение организовать экспедицию в составе А.П. Ганского и Г.А. Тихова для исследования зодиакального света и качества фотографических изображений в Крыму [1].

Весной 1906 г. А.П. Ганский и Г.А. Тихов вместе с грузом (в основном инструментами) прибыли в Севастополь. 24 апреля экспедиция обосновалась на Ай-Петри на высоте 1200 м над уровнем моря недалеко от метеостанции К.Ф. Левандовского. На Ай-Петри были подняты 6-дюймовый рефрактор и другие инструменты; их установили и проверили, а 5 мая начались наблюдения.

В течение месяца было сделано много разнообразных наблюдений. 13/26 мая А.П. Ганский писал О.А. Баклунду: “Из-за облачного неба первая половина программы – наблюдения зодиакального света не выполнена... Вторая – исследование качеств изображений – дала вполне положительные результаты: многочисленные наблюдения двойных звезд, Солнца и Венеры показали, что даже при тумане и *сигі** изображения здесь удивительно хороши” [2].

* циррусах (авт.)

В ноябре 1906 г. Белопольский представил отчет Ганского и Тихова ФМО и в заключении отметил: “Ай-Петри как пункт для астрономической обсерватории чрезвычайно выгодна и, если осуществится со временем специальная солнечная обсерватория, то ей место именно на Ай-Петри или где-нибудь поблизости этой горы” [1].

После завершения наблюдений, проезжая по дороге из Ялты в Севастополь, астрономы обнаружили вблизи дороги над Симеизом небольшую астрономическую обсерваторию – две башни и небольшой дом. Ганский спустился, осмотрел постройки, оказалось, что инструментов в них еще не было. Он поинтересовался – кому принадлежит обсерватория. Ему сказали, что ее хозяином был шталмейстер Императорского двора Николай Сергеевич Мальцов. (Шталмейстер – чиновник императорского конюшенного ведомства.) Н.С. Мальцов и его брат Иван Сергеевич, которого тоже будем упоминать в дальнейшем, были детьми Сергея Ивановича Мальцова – владельца Симеиза. Семейство Мальцовых – это дворянский род, который славился не только богатством, но и благотворительностью.

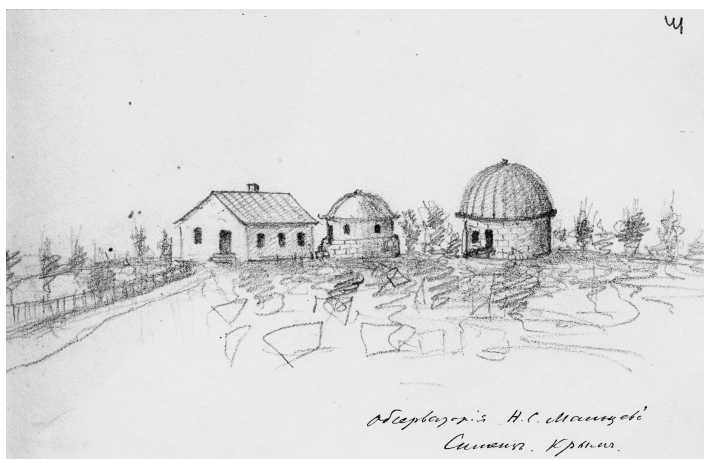

Рис. 5, 6. Мальцов Николай Сергеевич (1848–1934) и его обсерватория на горе Кошка (рисунок А.П. Ганского)

Узнав у домоправителей имения в Симеизе адрес Н.С. Мальцова в Туле, где тот в это время находился, А.П. Ганский написал ему письмо. Очевидно оно не дошло до адресата, так как он не получил ответа. Вскоре Алексей Павлович уехал в длительную командировку во Францию. Вернувшись из командировки (почти через 1.5 года) Ганский снова написал Мальцову.

На этот раз Мальцов получил письмо и телеграммой пригласил Ганского к себе в Царское Село. В свою очередь по приглашению Ганского Н.С. Мальцов посетил Пулковскую обсерваторию. Баклунд и Белопольский провели для него экскурсию. Во время беседы с директором О.А. Баклундом Мальцов предложил передать свою Симеизскую обсерваторию в собственность Главной астрономической обсерватории. Дар Мальцова оказался весьма нужным и своевременным для Пулковской обсерватории. Еще в 1902 г. Баклунд обращался в Министерство финансов с просьбой о финансировании работ по астрофотографии и спектроскопии, но получил отказ. В 1906 и 1907 гг. он просил увеличить финансирование Одесского отделения, но и эти просьбы были отклонены как несвоевременные.

21 февраля 1908 г. Баклунд доложил результаты беседы с Н.С. Мальцовым председателю Комитета ГАО, президенту Академии наук Великому князю К.К. Романову, который

поддержал предложение о приеме дара [3]. Комитет ГАО в заседании 4 мая 1908 г. с благодарностью одобрил принятие принадлежащей Н.С. Мальцову обсерватории в Симеизе со всеми инструментами, постройками и землей.

После одобрения Комитета О.А. Баклунд и А.П. Ганский отправились в Симеиз для осмотра обсерватории, чтобы на месте оценить насколько удобно место для создания отделения. К тому же в конце мая туда должен был прибыть 6-ти дюймовый рефрактор из Йены, заказанный Мальцовым в фирме “Карл Цейс”. 22 мая они приехали в Симеиз и были любезно приняты Н.С. Мальцовым в его доме. Затем они все поднялись на обсерваторию, которая находилась на плато горы Кошка на высоте 300 м над уровнем Черного моря с совершенно открытым горизонтом к востоку, югу и западу. С севера горизонт был закрыт горным хребтом. На лошадях проехали на Яйлу в поисках места для подсобной станции.

К сожалению, прибытие инструмента задержалось. Баклунд был вынужден уехать, оставив Ганского для приемки инструмента. Через некоторое время уехал и Мальцов.

Баклунд в начале июня 1908 г. был на приеме у министра финансов и предложил ему вместо увеличения финансирования Одесского отделения, имевшего ограниченный участок земли на территории Новороссийского университета для дополнительного размещения инструментов, образовать новое отделение в Крыму. Симеизская обсерватория, подаренная Мальцовым, располагалась на достаточной территории, и имела необходимые инструменты. Министр финансов ответил уклончиво, заявив, что сумма в 31050 руб., просимая Баклундом, преувеличена, нуждается в сокращении и дальнейшем обосновании.

23 июня Баклунд сообщил министру народного просвещения, что обсерватория Мальцова, земля и климат – все благоприятно и просил его сделать представление об учреждении Крымского отделения “с штатом, соответствующим будущим научным задачам нового отделения”. Одновременно Баклунд занялся оформлением дара.

Пока оформлялись необходимые официальные документы, Ганский “осваивал” новую обсерваторию. В письме к Баклунду от 22 июня 1908 г. Ганский пишет: “Я остался совершенно один и иногда испытываю некоторые затруднения, т. к. без него* вопросы не решаются так быстро как при нем. Наверху я устроился. Пришлось обзавестись целым хозяйством, т. к. иначе там про довольствоваться невозможно. Последние дни (4) стоит чудная погода, и я исследую, сколько могу с 4-х дюймовым. Иногда изображения Солнца великолепны” [2]. В письме от 8 июля он сообщает: “Инструмент уже прибыл и перевезен мною на обсерваторию. Весит он более 80 пудов, что доказывает его устойчивость... Прежде чем устанавливать трубу, придется исправить башню, которая до сих пор движется довольно туго” [2].

Все последующие дни Ганский вместе с мастером из фирмы “Карл Цейс” (приглашенным и оплаченным Мальцовым) были заняты установкой 6-ти дюймового рефрактора. 18 июля мастер, сделав самое необходимое, оставил Ганскому окончательную установку, центрировку и регулирование инструмента. Ганский сделал записи в журнале о недостатках инструмента. В последнем письме к Баклунду от 18 июля 1908 г. он писал: “Инструмент построен хорошо, хотя я нашел в нем много несовершенств. Что могли мы с мастером исправить или он обещал сделать в Йене” [2].

А через 10 дней Алексея Павловича не стало. Он утонул, купаясь в море. Эта трагедия произвела тяжелое впечатление на Н.С. Мальцова, питавшего большую симпатию и искреннее уважение к А.П. Ганскому. Именно с ним он связывал большие надежды на развитие своей обсерватории. Всю горечь этой потери он выразил в письме к Баклунду: “Вы не можете себе представить, как я горестно был поражен трагической кончиной Алексея Павловича. Мы с ним довольно часто в последнее время переписывались; он сообщал мне все подробности, касающиеся Симеизской обсерватории. Последнее его письмо от 27 июля я получил одновременно с извещением о его кончине. К этому письму он приложил сделанный им с

* Н.С. Мальцова (авт.)

помощью нового спектроскопа рисунок солнечного протуберанца. Я не верил своим глазам, когда, прочитавши его письмо, я открыл депешу с извещением о его смерти. Алексей Павлович, насколько я успел с ним познакомиться, имел впереди большую будущность, с его энергией и работоспособностью он, вероятно, пошел бы далеко и для науки смерть его является чувствительной утратой. Для Симеизской же обсерватории эта потеря незаменима. Как памятна мне наша верховая прогулка на яйлу! И кто мог подумать, что так скоро одного из участников этой прогулки не станет, и именно самого молодого участника!” [4].

Получив телеграмму о смерти А.П. Ганского, Баклунд обратился с просьбой к академику В.А. Стеклову, отдохавшему в Гаспре, понаблюдать за обсерваторией до прибытия в Симеиз одесского астронома А.Р. Орбинского, которому он поручил осуществить официальную приемку обсерватории. Стеклов приехал в Симеиз и остановился в доме Н.С. Мальцова. Здесь он узнал у нотариуса в Алушке, что акт приемки не соответствует юридическим нормам.

12 августа Орбинский приехал в Симеиз. Стеклов встретил его и на следующий день они поднялись на обсерваторию. За 10 дней, которые Орбинский пробыл в Симеизе, он разобрал бумаги Ганского, составил опись имущества, список книг, осмотрел территорию и постройки и установил, что дом построен плохо (на глине) и вряд ли долго простоит. При порывчатом ветре его продувает насквозь, и, что зимовка здесь недалеко уйдет от какой-нибудь шпизбергенской. Если желательно иметь здесь постоянного астронома, то нужно начинать с постройки ему дома. Кратковременные командировки, конечно, можно было бы перетерпеть и здесь (заведя лошадь или автомобиль) [5].

По бумагам он установил, что Ганский наблюдал Венеру, сделал снимки Туманности Андромеды и Солнца, фотографировал Луну, наблюдал спектроскопом, вел метеорологические записи.

Обследовав инструмент Орбинский нашел в нем много недостатков, но, тем не менее, сделал несколько снимков, сделал записи метеорологических наблюдений. Документы А.П. Ганского, журналы его наблюдений, пять негативов Туманности Андромеды, Солнца, Луны и список имущества отправил в Пулковскую обсерваторию. Отметил, что “небо не особенно отличается от Одесского, но изображение Солнца прекрасное”.

Перед отъездом 24 августа Орбинский опечатали инструменты, шкаф, письменный стол, ящики с часами и фотографическими принадлежностями. Прощаясь с генералом И.С. Мальцовым, передал ему ключи и просил “принять надзор за обсерваторией, на что он и согласился со свойственной ему любезностью”.

Второй раз Орбинский приехал в Симеиз 25 сентября и пробыл там до 14 октября. Он продолжил исследования инструментов, пытался вести наблюдения, но инструмент работал плохо и ему мало что удалось сфотографировать. Условия жизни наверху были плохими, отопление не помогало – ветер выдувал все тепло. И.С. Мальцов предложил ему пользоваться комнатой в одном из своих домов, но Орбинский отказался. В сентябре 1908 г. И.С. Мальцов подарил еще один участок земли, примыкающий к южной границе обсерватории. На подготовку нового акта и доверенности потребовалось время.

12 октября 1908 г. на смену А.Р. Орбинскому приехал Г.А. Тихов с геофизиком Н.Н. Калитиным, которые пробыли в Симеизе до 16 декабря. Они вели регулярные метеонаблюдения, когда позволяла погода – наблюдали Солнце. 29 октября обсерваторию посетили Н.С. и И.С. Мальцовы. Астрономы показали им в трубу солнечные пятна и протуберанцы. Мальцовы остались в восторге. Николай Сергеевич передал на обсерваторию 4-х дюймовый рефрактор, 2 спектроскопа, барограф. Несмотря на то, что только приблизительно 50 % было ясных ночей, Тихову удалось сделать значительное количество снимков звезд, ряд превосходных снимков кометы Морхауза и Плеяд.

К октябрю 1908 г. удалось оформить официально передачу дара Мальцова Пулковской обсерватории. 14 октября Совет министров рассмотрел представление Министерства народного просвещения и принял положительное решение. На основании письма Министра народного

просвещения была составлена доверенность Орбинскому на прием в собственность ГАО Мальцовской обсерватории. С этой доверенностью Орбинский приехал в Симеиз 15 ноября, а 17 ноября подписал у алушкинского нотариуса нотариальный акт о передаче Пулково Симеизской обсерватории с земельным участком, постройками и инструментами. На следующий день на обсерваторию поднялся Н.С. Мальцов, “чтобы поздравить астрономов с новосельем на казенном месте”.

Несмотря на то, что Симеизская обсерватория официально перешла во владение Пулково, вопрос о создании отделения не был решен, т. е. не утверждены бюджет и штаты. Решение вопроса затягивалось еще и потому, что на Пулково свалился еще один дар – Морское ведомство, точнее начальник Главного гидрографического управления А.И. Вилькицкий предложил передать в ведение Пулковской обсерватории Морскую обсерваторию в Николаеве с большим земельным участком, но без инструментов. В июне 1909 г. Баклунд представил в Министерство народного образования проект о создании двух отделений – в Симеизе и в Николаеве, с упразднением Одесского отделения. Министр направил проект на рассмотрение Государственному контролеру, который ответил, что имеются более важные государственные расходы. Министр финансов усомнился в целесообразности создания двух обсерваторий на берегу Черного моря.

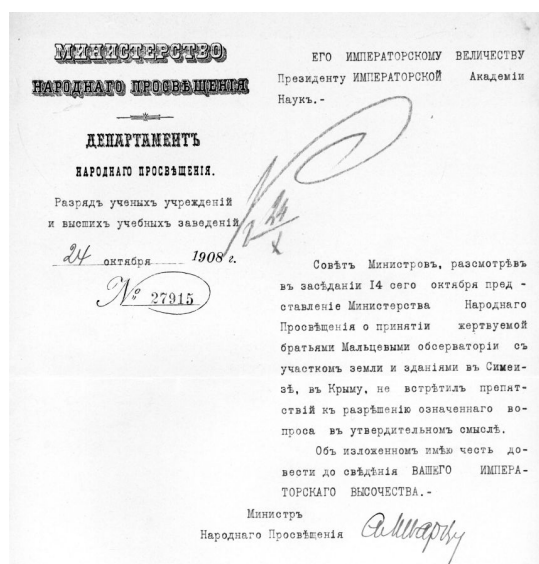

Рис. 7. Письмо министра народного просвещения А.Н. Шварца президенту Императорской академии наук К.К. Романову

Большую поддержку О.А. Баклунду оказывал Великий князь Константин Константинович. В 1909–1911 гг. он неоднократно писал письма в Министерство народного просвещения, Министерство финансов и Совет Министров, доказывая необходимость создания отделений в Симеизе и в Николаеве. Официальное решение затягивалось. Расходы на содержание Симеизской обсерватории ложились бременем на бюджет Пулковской обсерватории. И только в июне 1912 г. наконец вышел закон о создании двух отделений.

Зимой 1908–1909 гг. на Симеизской обсерватории никого не было, кроме сторожа. 5 марта 1909 г. в Симеиз выехали А.А. Белопольский и сверхштатный астроном С.И. Белявский, который согласился работать в новой обсерватории. Они должны были окончательно выяснить все достоинства и недостатки обсерватории, что необходимо было сделать, чтобы она работала

на должном уровне. Особенно важно было, чтобы астрофизики на месте ознакомились с топографией, метеоусловиями и оборудованием. А.А. Белопольский составил подробный отчет о пребывании в Симеизе (отчет хранится в Архиве РАН). В нем содержится ежедневное описание погоды с 6 марта по 1 апреля. Белопольский исследовал и подробно описал территорию, нашел и указал место для размещения инструментов, постройки нового дома в долине, защищенной от ветров и поросшей дубняком; не забыл упомянуть, что необходимо сразу же установить телефон и завести верховую лошадь или экипаж, т. к. в ближайшем поселке Верхние Лимены нельзя купить никаких продуктов. Другой населенный пункт – курорт Симеиз находился в 4 км, Алупка – еще дальше. Из-за отсутствия ледника за продуктами приходилось ходить ежедневно. Поездки в оба конца стоили слишком дорого.

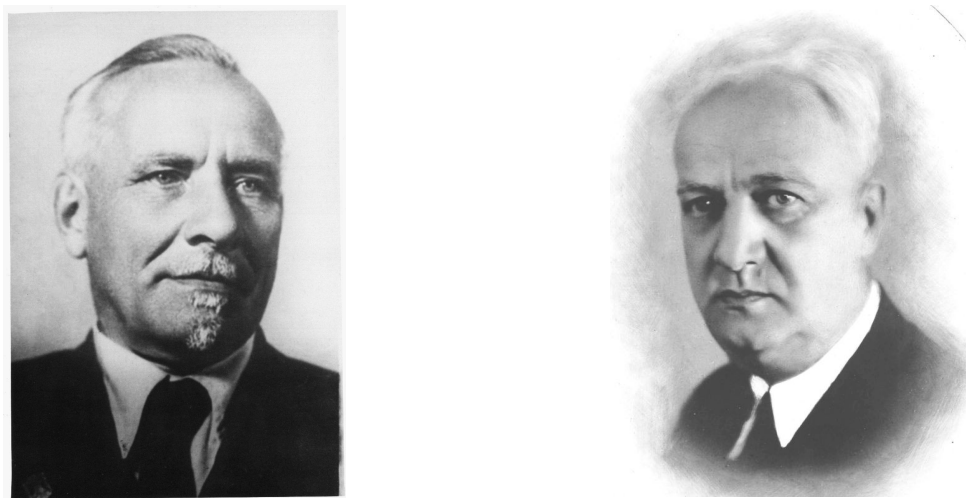

Рис. 8, 9. Слева – Григорий Николаевич Неуймин (1886–1946), справа – Сергей Иванович Белявский (1883–1953).

Основное время астрономов ушло на исследование и подготовку инструментов к наблюдениям. 5 апреля 1909 г. А.А. Белопольский уехал. Заведование обсерваторией было возложено на С.И. Белявского, который продолжил работу по исследованию и наладке инструментов и часов, вел барометрические и метеорологические записи и по возможности наблюдал. Одновременно обустроивал обсерваторию – отштукатурил и покрасил масляной краской башни. Сделал теплую пристройку к домику, который был сложен из местного камня сухой кладки. В домике было 5 комнат от 8 до 12 кв.м.: кабинет астронома, спальная комната, комната сторожа, фотолаборатория и кухня. И как писал Белявский Баклунду “... прилагаю все усилия к тому, чтобы придать внешнему виду обсерватории более культурный вид: посадил вокруг здания розы, азалии и жасмин”. Для посетителей, желавших осмотреть обсерваторию, назначил специальное время – воскресенье от 16 до 19 часов.

За первый год ему удалось снять и внести в инвентарь 234 пластинки, обработать 114. Результаты наблюдений двойных звезд и кометы Галлея были посланы и напечатаны в Пулковском журнале “Mitteilungen der Nikolai – Hauptsternwarte zu Pulkovo”.

Пришлось заниматься непредвиденной работой. В конце марта 1910 г. бурей разбило будку термографа. Белявский восстановил будку и сшил брезентовый парус на щели башни для защиты инструмента от влаги при сильных дождях и чехол на окулярную часть.

В 1910 г. прибыли инструменты из Пулково: измерительный прибор Репсольда, фотометр Цельнера, несколько светофильтров; из Йены получена объективная призма, заказанная Н.С. Мальцовым.

Большую помощь С.И. Белявскому оказывал Н.С. Мальцов. Он разрешил пользоваться своей библиотекой, передал необходимые для работы инструменты, приобрел оборудование и реактивы для фотолаборатории. Николай Сергеевич продолжал помогать обсерватории до конца своего пребывания в Крыму.

Зима 1910–1911 гг. оказалась необычайно снежной. В начале января обильный снегопад достиг размеров стихийного бедствия. На два месяца прервалось сообщение по шоссе дорогам. Для очистки дорог направлялись воинские команды, которые прокапывали коридоры в двухметровых сугробах. За ночь их снова доверху заносило. 22 января на обсерватории шесть человек целый день чистили дорогу от ворот к дому — получился снежный тоннель более трех аршинов высоты. Снабжение продовольствием прекратилось. Жители не могли привозить себе самую необходимую провизию. Особенно бедственным было положение на обсерватории — из деревни Лимены ни за какие деньги не отпускали хлеба, и семейству Белявских с величайшим трудом удалось достать несколько кусков черствого ржаного хлеба и то не за деньги, а с условием возратить хлебом же через определенное количество дней. Поход из обсерватории в Симеиз-курорт и обратно занимал вместо 1–2 часов целый световой день и совершался группами, т. к. одиночные пешеходы проваливались по шею в снег и без посторонней помощи не могли выбраться на более плотный наст.

В 1911 г. у Белявского освободилось больше времени для астрономических наблюдений. Он начал большую работу по определению фотографических яркостей полярной зоны $+75^\circ - +90^\circ$, выполнил ряды наблюдений ярких комет Галлея и Брукса, изучал переменные звезды, наблюдал малые планеты: определил места 15 планет и нашел 10 новых. 15 сентября открыл первую в Симеизе новую яркую комету 1911g (названа его именем), составил каталог блеска 833 звезд в созвездии Волосы Береники, посылал свои работы для печати в Пулково, печатал в “*Astronomische Nachrichten*”. За открытые кометы Тихоокеанское астрономическое общество наградило его медалью.

Н.С. Мальцов не оставлял вниманием обсерваторию — в марте за свой счет провел телефон, подарил книги и журналы (в том числе 30 томов “*Astronomische Nachrichten*”), передал объективную призму Цейса и микроскоп той же фирмы. В сентябре 1911 г. С.И. Белявский писал О.А. Баклунду: “Хорошая погода дает столько наблюдательного материала, что увеличение персонала очень желательно и потребность в жилом доме весьма велика” [6].

В ноябре Мальцовы ожидали приезда к ним в гости императора и попросили у Белявского для показа наиболее интересные снимки.

Во время командировки в Пулково в 1911 г. Белявский переговорил с Г.Н. Неуйминым о возможности его работы в Симеизе. Г.Н. Неуймин дал предварительное согласие.

Весной 1912 г. С.И. Белявский тяжело заболел. После неудачного лечения на местных курортах и в Германии ему предстояла в начале 1913 г. операция в Швейцарии. Он обратился к Баклунду с просьбой прислать ему на смену астронома из Пулково. Да и к тому же работы на обсерватории прибавилось, и второй астроном давно уже был нужен. Баклунд остановил свой выбор на сверхштатном астрономе Г.Н. Неуймине, который окончил в 1910 г. университет и сразу был зачислен в Пулковскую обсерваторию на должность сверхштатного астронома. Неуймин принял предложение.

Белявский, ожидая приезда нового астронома, стал подыскивать ему жилое помещение, т. к. на обсерватории второму человеку поселиться было негде. В ноябре он нашел домик, находящийся в виноградном и фруктовом саду, в поселке Нижние Лимены. Дом имел балкон и состоял из двух комнат с двумя печами и мебелью (две кровати, стол и стул). Кухня находилась отдельно, имелся водопровод. Дорога на обсерваторию по горным тропам занимала около полутора часов.

Вечером 21 декабря 1912 г. Г.Н. Неуймин с семьей приехал в Симеиз. Уже 24 декабря с ним познакомился Н.С. Мальцов. В этот же день он писал Баклунду: “Я сегодня познакомился с Григорием Николаевичем Неуйминым. Он произвел на меня самое приятное впечатление” [7]. В свою очередь Неуймин пишет Баклунду 3 января 1913 г.: “Был два раза на обеде у Н.С. Мальцова. И он сам, и его роскошная библиотека произвели на меня очень хорошее впечатление. Его любезность и внимательность дошли до того, что он предложил нам для житья помещение у себя, чтобы избавить нас от грозящих здесь неприятностей” [8].

Местное население встретило “чужака” не так радушно: с 24 по 30 декабря дом Неуймина 5 раз подвергался нападениям. Были разбиты стекла, сломана дымоходная труба и трижды пытались совершить поджог.

Но все это не явилось препятствием для работы. Неуймин с увлечением начал наблюдения. Весной 1913 г. он открыл свои новые планеты. Планета № 748 “Simeiza”, найденная 14 марта 1913 г., явилась первой в длинном ряду Симеизских новых планет, обеспеченных орбитами и получивших номера и названия. За открытие этой планеты Г.Н. Неуймин получил медаль Тихоокеанского астрономического общества и премию Российского астрономического общества им. Голубева.

В письме к Баклунду от 5 декабря 1913 г. Неуймин писал, что планету № 752, открытую им 30 апреля 1913 г., он назвал “Panina” — в честь графини С.В. Паниной; сейчас в справочниках она называется “Суламифь”. Графиня Софья Владимировна Панина, племянница братьев Мальцовых, владелица Гаспры, вела широкую благотворительную деятельность; построила Народный дом на Лиговском проспекте в Петербурге, где имелась обсерватория, работавшая до 1934 г. Во Временном правительстве была заместителем министра народного просвещения и министром Министерства призрения. В 1920 г. эмигрировала из России, работала секретарем Толстовского фонда.

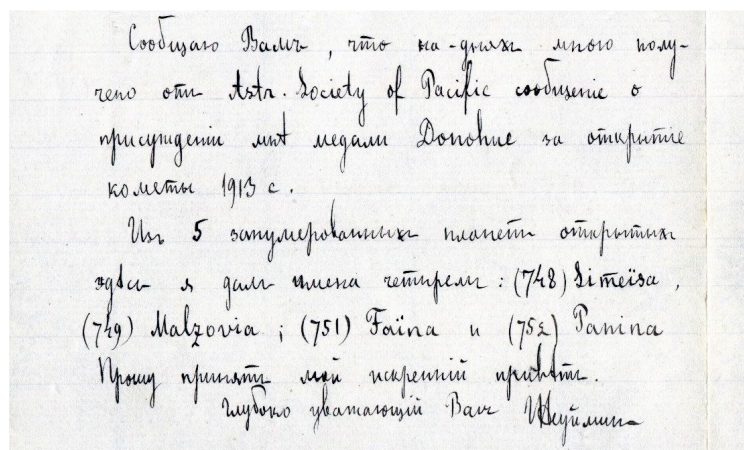

Рис. 10. Фрагмент из письма Г.Н. Неуймина к О.А. Баклунду от 5/18 декабря 1913 г.

Неуймин активно переписывается с Берлинским Вычислительным институтом, печатает свои статьи и сообщения в пулковских журналах и в “Astronomische Nachrichten”. Его сообщениями о планетах интересуются многие астрономы, а Ташкентская обсерватория, Энгельгардтовская в Казани, австрийская в Вене просят его присылать положения планет непосредственно после редукции, чтобы иметь возможность находить их легче и быстрее.

1912 г. ознаменовался великим событием для Симеизской обсерватории – наконец 13 июня 1912 г. был утвержден закон об упразднении Одесского отделения НГАО и учреждении с 1

июля 1912 г. отделений в Симеизе и Николаеве. Правительством были отпущены средства на содержание Симеиза: 15000 р. и 310000 р. на первоначальное оборудование двух отделений, а также утверждены штаты для Симеиза: старший астроном (на эту должность с 7 ноября назначен С.И. Белявский) и адъюнкт-астроном (на нее с 15 декабря – Г.Н. Неуймин) и один механик на два отделения.

Сразу же в июле Комитет ГАО обратился к императору с просьбой ускорить строительство нового здания в Симеизе. В августе был утвержден строительный комитет под председательством директора ГАО, быстро составлен проект (арх. Я.П. Семенов) и рассчитана смета алушкинским инженером Петровым.

Продолжая свою постоянную заботу о благополучии обсерватории, Н.С. Мальцов в январе 1912 г. прикупил еще один участок земли в 360 кв. сажен у генерала Семенова с северо-западной стороны, чтобы было удобно разместить дом, и подарил его обсерватории. В конце года, посылая Баклунду план участка и дарственное письмо, он писал: “Полагаю, что с этими документами Вам легко будет получить от самого Юпитера разрешение на принятие моего усердного приношения”.

О.А. Баклунд и А.А. Белопольский отправились в Дублин в фирму Грэбба для оформления заказа на изготовление инструментов для новых отделений. Для Симеиза они заказали метровый рефлектор для спектральных исследований и купол башни. Инструмент должен был быть готов во второй половине 1914 г. Но осуществлению планов помешала 1-я Мировая война.

В 1912 г. Симеизская обсерватория вошла в международную программу по малым планетам, и С.И. Белявский включился в эту работу. Закончил работу по фотометрии полярной зоны и начал подробную работу для зоны $+40^\circ - +45^\circ$, наблюдал и изучал переменные звезды и много занимался вопросами строительства нового дома.

Рис. 11. Проект нового здания Симеизской обсерватории, арх. Я.П. Семенов

В конце 1913 г. новый дом был построен, и 20 декабря состоялась его приемка. Дом состоял из трех этажей: в первом этаже имелось 10 помещений: электростанция, мастерская, архив, котельная центрального отопления, квартира машиниста и кладовые. Во втором этаже – библиотека, 2 комнаты для фотолаборатории, вычислительной на 5–6 мест, квартира

Г.Н. Неуймина, 2 комнаты для сторожей. Верхний этаж – квартира старшего астронома и большая открытая терраса для наблюдений переносными инструментами.

В декабре в новое здание перенесли библиотеку, лабораторные инструменты и часы. 23 и 24 декабря семьи астрономов переехали в новый дом, получив прекрасные квартиры до 100 кв. м каждая, с ваннами, центральным отоплением, с большими открытыми верандами. Появилась возможность принимать часто приезжавших астрономов из других обсерваторий. Неуймин так писал о своей квартире: “Новой квартирой и я, и жена очень довольны: удобно, просторно, много воздуха и света... Лучшего помещения я себе и желать не могу” [8].

Баклунд помог решить вопрос о приобретении мебели. Небольшая зарплата астрономов не позволяла купить всю мебель сразу, да и в случае перевода в другое место работы решить вопрос с ее реализацией было бы весьма проблематично. Баклунд ассигновал сумму на покупку мебели за счет обсерватории и предоставил специальный кредит.

Площадь вокруг нового здания была распланирована, засажена декоративными кустарниками, цветами и деревьями, в том числе 60 кипарисами.

Инструментарий отделения пополнился кометоискателем Цейса (Д-75 мм). Весной 1914 г. обсерватория получила из Пулково большой универсальный инструмент Бамберга. После его установки, регулировки и исследования уровней Белявский начал на нем регулярные определения времени по способу Цингера, кроме того, продолжал наблюдения переменных звезд, нашел в апреле новую “симеизскую звезду”*, а потом еще две.

Неуймин успешно наблюдал малые планеты по международной программе. В 1914 г. ему удалось обнаружить 6 новых малых планет, которые были зарегистрированы в Центральном международном бюро.

В мае обсерватория приобрела автомашину марки “Форд”. Теперь поездки в Ялту и обратно стали занимать два часа вместо шести. Налаживалась работа электростанции.

В июле 1914 г. оба астронома уехали в Феодосию наблюдать солнечное затмение, где собрались многие русские и иностранные астрономы. Но результатов не получили. Помешали облака.

19 июля (1 августа) 1914 г. началась 1-ая Мировая война. Обстановка стала тревожной. Уже в июле черноморские порты превратились в военные. Грузы задерживали на таможне, выезд за границу стал затруднен. Белявский задержался в Феодосии, чтобы помочь иностранным ученым выехать на родину и отправить их инструменты. Но все его мысли были о Симеизе. Он распорядился сделать на обсерватории запасы непортящихся продуктов, по крайней мере на 3 месяца. Пока были деньги, закупал керосин, дрова, мазут.

Война помешала дальнейшему развитию обсерватории – отпала возможность приобретать приборы, намеченные к покупке за границей, прекратились работы по изготовлению в Англии наполовину готового и оплаченного рефлектора. Сначала затруднились, а потом и вовсе прекратились связи с научными иностранными центрами, перестала пополняться библиотека. Разрыв отношений с Берлинским вычислительным институтом, где вычислялись орбиты для малых планет, заставили взяться за вычисление орбит в Симеизе. Неуймин предложил на время войны свою систему учета открытых планет – ввел греческую букву Σ , которая должна обозначать, что планета открыта в Симеизе, а сопровождающая ее буква латинского алфавита указывала на ее порядковый номер. Неуймин считал, что до окончания войны хватит букв латинского алфавита [8].

Из-за недоступности журнала “Astronomische Nachrichten” сообщения о наблюдениях и вычислениях печатались в Циркулярах Пулковской обсерватории.

Научная работа обсерватории продолжалась. В 1915–1916 гг. Неуймин открыл 6 новых малых планет. Планета № 916, открытая им 7 августа 1915 г., получила название “Америка” – в честь американских астрономов, оказавших большую поддержку русским астрономам в годы

* комету (авт.)

революции и гражданской войны 1917–1920 гг. Интересна история планеты № 951 “Гаспра”, которая была открыта им же 30 июля 1916 г. Она стала первой малой планетой, поверхность которой увидело человечество 29 октября 1991 г. с помощью космического аппарата “Галилео”. В эти же годы Белявский открыл 8 малых планет.

В 1916 г. умер О.А. Баклунд и Белявский называл открытую им 3 апреля 1916 г. планету в честь Баклунда. Она получила № 856 в Международном каталоге. В 1915–1916 гг. оба астронома наблюдали комету Энке и продолжали свои давние исследования. Хотя работы шли довольно успешно, положение обсерватории с каждым годом становилось тяжелее. Поступления денежных средств из Пулковской обсерватории часто задерживались, а потом и вовсе прекратились.

Нечем стало оплачивать служащих, младший персонал вынужден был уходить. Не хватало денег для ремонта зданий. Отсутствие дров пытались восполнить частичной рубкой деревьев в роще. Пришлось резко сократить расход мазута и керосина на работу электростанции. С наступлением темноты ложились спать, а позже Белявский вывернул в доме все лампочки, чтобы сохранить электроэнергию для работы астрографа.

Особенно тяжелыми для Крыма стали 1917–1918 гг. Постоянно менялась политическая обстановка, шла смена власти – то белые, то красные, то немцы... Обсерватория оказалась в изоляции. Связь с Пулковской обсерваторией была потеряна, местные государственные учреждения отказывали в финансировании. В конце 1917 начале 1918 гг. Советская власть утвердилась в Крыму. Начались бесконечные реквизиции. 1 февраля 1918 г. Симферопольский ревком реквизировал обсерваторскую машину, оставив справку о реквизиции. Астрономы не получали продовольствия. Единственным спасением были овощи с собственных огородов, на которых трудились в основном женщины. Белявский шутил, что руки жены стали такими мозолистыми, что ее могли бы взять без экзаменов в любую трудовую группу. Отсутствие дров вынудило Белявского оставить на весь дом одну плиту для приготовления пищи – для всех трех этажей. Живший в 1917 г. в Симеизе Н.С. Мальцов надеялся на чудо – чем было труднее и хуже, тем тверже он верил в чудо.

Из-за отсутствия фотографических материалов научные наблюдения пришлось сократить до минимума. Но астрономы пытались работать, писали статьи, составили коллекцию спектрограмм Новой Орла, находя средства к существованию случайной работой вне обсерватории. Они не покинули обсерваторию, несмотря на трудности, сохранили все ее имущество и саму обсерваторию для России.

Литература

1. Петербургский филиал Архива РАН. Фонд 1. Опись 1а. (1906). Дело 153. Листы 80, 200.
2. Петербургский филиал Архива РАН. Фонд 707. Опись 3. Дело 83. Листы 43, 49, 52, 60.
3. Петербургский филиал Архива РАН. Фонд 1. Опись 1. (до 1917). Дело 202. Лист. 1.
4. Петербургский филиал Архива РАН. Фонд 707. Опись 3. Дело 230. Лист 4.
5. Главная астрономическая обсерватория в Пулкове. 1839–1917 гг. Сб. док. СПб: Наука. 1994. С. 287.
6. Петербургский филиал Архива РАН. Фонд 707. Опись 3. Дело 33. Лист 106.
7. Петербургский филиал Архива РАН. Фонд 1. Опись 1 (до 1917). Дело 211. Лист. 134.
8. Петербургский филиал Архива РАН. Фонд 707. Опись 3. Дело 251. Листы 3, 35, 43.